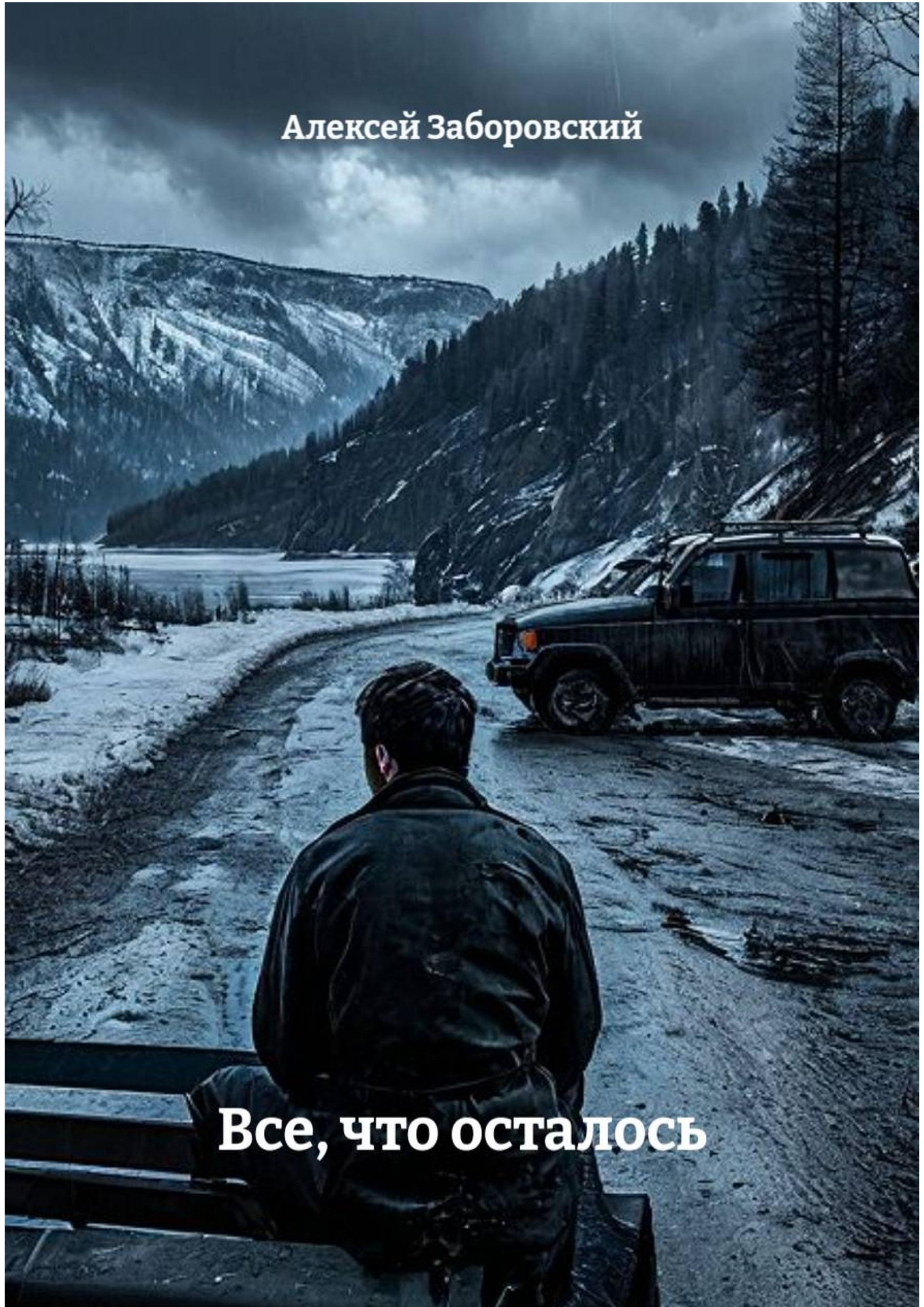

Алексей Заборовский

Все, что осталось

Алексей Заборовский

Все, что осталось

«Автор»

2026

Заборовский А. О.

Все, что осталось / А. О. Заборовский — «Автор», 2026

Ему тридцать восемь. Он почти не разговаривает с женой, ненавидит свою работу, разочаровался в алкоголе и смотрит на чужие счастливые лица в инстаграме с одной мыслью: «Почему они могут, а я нет?». Единственное, что ещё согревает, — мечты. Там он другой: успешный, любимый, живой. Там он снова встречает ту, которую потерял двадцать лет назад. Но в последнее время сны стали слишком реальными, а реальность — слишком похожей на сон. Он пытается выбраться. Идёт к психологу, ищет старую любовь, делает шаги, которые должны вернуть его к жизни. Но мир словно перестал его замечать. И когда он остаётся совсем один на берегу холодной ноябрьской реки, ему предстоит решить: есть ли ради чего возвращаться?

Содержание

Часть 1. Зеркало	5
Часть 2. Рефлексия как болезнь	6
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Алексей Заборовский

Все, что осталось

Часть 1. Зеркало

Он проснулся от того, что не мог дышать. Будто кто-то положил мешок с песком на грудь. Потолок в спальне был серым, как бетонная плита. Андрей повернул голову — жена уже встала. Её сторона кровати холодная, одеяло аккуратно заправлено под матрас. Так заправляют в гостиницах, где никто никого не ждёт.

В ванной он остановился перед зеркалом. Ему было тридцать восемь. Но выглядел на все пятьдесят — обрюзгшее лицо, мешки под глазами, кожа пепельного оттенка, на левом виске странное тёмное пятно, которого раньше не замечал. Мужчина потрогал его пальцем — пятно не смывалось. Вчера он съел на ночь три бутерброда с колбасой и запил кефиром — теперь живот болел, а подбородок словно прирос к шее.

— Ты воду кипятила? — спросил он, выходя на кухню.

Жена сидела к нему спиной, пила кофе и смотрела в телефон. Её плечи были напряжены, как струны.

— Да, — сказала, она, не оборачиваясь.

Налил себе кружку кипятка, бросил пакетик дешёвого чая. Жена за полгода не спросила ни разу, не хочет ли он нормальный, листовой. А сам не купил. Ему было всё равно.

— Я сегодня задержусь, — сказала она. — У нас корпоратив.

— Хорошо.

Между ними повисла тишина, тяжёлая, как одеяло. Он вспомнил, что когда они только поженились, семь лет назад, Катя клала голову ему на колени, и Андрей перебирал её волосы. Теперь же боялся к ней прикоснуться — не потому что она оттолкнёт, а потому что не оттолкнёт. И просто позволит, как позволяют трогать чужую вещь.

Мужчина выскочил на улицу. Машина — старый серебристый хэтчбек — стояла у подъезда. Он ненавидел её уже года три. Мазда скрипела, плохо заводилась на холоде, и кто-то на парковке притёр бампер и уехал, оставив белые царапины. Каждый раз, садясь в неё, Андрей чувствовал, что садится в свою жизнь.

Он завёл двигатель. Из динамиков хлынула бодрая попса. Выключил радио. Тишина в салоне была почти осязаемой — липкой, как старая жвачка под сиденьем.

По дороге на работу остановился на красный свет. Завис. И вдруг понял, что не помнит, как доехал до этого перекрёстка. Четыре улицы, два поворота — провал в памяти. На секунду запаниковал, но свет переключился на зелёный, сзади загудели, и он поехал дальше, выкинув тревогу.

Не в первый раз.

Часть 2. Рефлексия как болезнь

Работа называлась «менеджер по продажам строительного оборудования», но на деле это было просто сидение в открытом офисе, где за окном вечно моросило, а начальник по имени Вячеслав Юрьевич любил фразы в духе «клиент должен уйти счастливым». Андрей ненавидел эту работу. Но уйти было некуда — он не умел ничего другого. Университетское образование по специальности «инженер-механик» пылилось в папке с дипломами.

В обед он зашёл в инстаграм. Лента оказалась сплошной пыткой:

— его бывший однокурсник Сергей с женой и двумя детьми на Мальдивах. Все смеются, Сергей стал лысым, но выглядит счастливым;

— какая-то девушка из рекомендаций делает утреннюю зарядку и говорит в камеру: «Пойми, ты достойна счастья»;

— блогер с идеальным прессом ест зелёный смузи и улыбается;

— парень, который младше его на десять лет, купил новую квартиру и подписал: «Наконец-то дом! #мечтысбываются».

Андрей смотрел на эти лица, и внутри поднималась тошнота. Не зависть и даже не злость. Какая-то липкая, сладкая гниль. Он закрыл телефон и уставился в окно. В луже плавал окуроч.

«Почему они могут, а я нет?» — спросил у серого неба. Небо предсказуемо не ответило.

В три часа он вдруг резко встал из-за стола. Подошёл к Вячеславу Юрьевичу. Сказал:

— Я хочу уволиться.

Начальник поднял глаза, медленно снял очки.

— Андрей, ты серьёзно?

— Да.

— Куда ты пойдёшь?

— Не знаю.

Вячеслав Юрьевич вздохнул, положил очки на стол.

— Давай так. Ты возьми выходные на три дня, отдохни. Придёшь в понедельник — поговорим. Не принимай решений на голодный желудок.

Андрей хотел возразить, но не нашёл слов. Кивнул и вернулся на своё место.

Он три дня просидел дома, глядя в стену. Жена уехала к подруге — сказала, что ей нужно побыть одной. Андрей не спросил почему. Просто кивнул, как перед начальником.

На второй день он набрал в поиске: «психолог Красноярск». Выбрал первого в списке — женщину с тёплой улыбкой на фото. Записался на приём в пятницу, на десять утра.

Мысль о психиатре даже не пришла ему в голову. Мать лечили в ПНД в девяностые — он помнил эти жёлтые стены, запах аминазина и мамины глаза, пустые, как выключенные телевизоры. К психиатру Андрей не пошёл бы даже под дулом пистолета.

В пятницу он проснулся в восемь, побрился — впервые за три дня, надел чистую рубашку. Сел в машину. Доехал до центра, нашёл адрес, поднялся на третий этаж типовой пятиэтажки, позвонил в дверь.

Ему никто не открыл.

Он позвонил ещё. Тишина. Достал телефон, проверил запись — всё верно, 10:00, улица Ленина 42, кабинет 312. Позвонил по номеру с сайта. Автоответчик: «Вы позвонили в клинику „Доверие“. Мы работаем с 9 до 21. Оставьте сообщение».

Он оставил сообщение. Сказал: «Здравствуйте, я Андрей, у меня запись на десять, я стою у двери». Положил трубку и простоял ещё пятнадцать минут. Так никто и не пришёл.

Андрей спустился на улицу, сел в машину и вдруг понял, что даже психолог от него отказалась. Не нарочно, конечно — какая-то накладка. Но это не имело значения. Значение имело чувство: его нет в этом мире. Дыра в форме человека, которую никто не видит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.